

СОВЕТСКАЯ КЛАССИКА В СОВРЕМЕННОМ ВОСПРИЯТИИ

Из выступления
Семена МАШИНСКОГО

За полвека своего существования советская литература создала немало первоклассных художественных ценностей. Мы называем уже не один десяток произведений прозаиков, поэтов, драматургов и гордимся: советская классика.

Многие произведения, созданные в 20—30-х годах, продолжают активно эстетически жить и сегодня. Что это значит? «Чапаев», «Железный поток», «Разгром», «Тихий Дон», «Любовь Яровая» — ощущаем ли мы сегодня эти произведения так же, как их воспринимали тогда, в момент их появления?

Мы говорим: истинное, классическое произведение искусства неисчерпаемо.

Относится ли это к советской классике? Разумеется.

Хорошо известно: не только классические произведения нас обогащают, но и мы их обогащаем нашим современным историческим опытом. Мы сегодня глубже воспринимаем Бальзака и Толстого, чем их современники. Не потому, что мы умнее, а потому, что мы стоим на более высокой ступени развития исторического самосознания. На нас работает, так сказать, преимущество времени.

Однако достаточно ли эффективно мы используем это преимущество? Мне недавно попался в руки старый учебник по советской литературе — книга середины 30-х годов. О блоковских красногвардейцах там сказано без всяких оценок: «разбушевавшаяся гольфа, классово недифференцированная, несущая с собой стихию грабежа и разбоя». Я помню годы, когда образ Христа из той же поэмы Блока пугал наших критиков. Сегодня этот образ мы воспринимаем как поэтическую метафору, помогающую понять своеобразие художественной мысли великого поэта.

Когда в театре режиссер берется за постановку классической пьесы, от него требуют современного ее прочтения. И это требование естественно, в нем — одно из важнейших условий успеха спектакля.

Я видел на своем веку много постановок «Мещан» Горького. И каждая из них мало отличалась от другой. Но вот поставил эту пьесу Товстоногов. В его прочтении Горького немало спорного. И с ним, вероятно, будут спорить. Но никто, я полагаю, не может усомниться в том, что это блистательный спектакль. Режиссер по-новому прочитал старую пьесу. Он «заземлил» образ Нила, освободил его от риторики. И самое главное: Товстоногов вместе с актером Лебедевым вытянул другую линию в пьесе — старика Бессеменова. Они созда-

ли потрясающей силы и трагизма характер. Душно и страшно в мещанском доме Бессеменова. Старик видит: все рушится, гибнут устои, обречено все, во имя чего он жил, копил. И это становится источником его мучительных страданий.

Пьеса, стоящая у истоков социалистического реализма, еще сильнее заговорила языком больших исторических и философских обобщений.

Я думаю, что классические образы советской литературы — Глеб Чумалов и Любовь Яровая, Левинсон и Чапаев, Григорий Мелехов и Корчагин — сегодня поворачиваются к нам какими-то новыми гранями своего характера и душевного опыта, возможно, даже не известными прошлому поколению.

Мы все охотно повторяем вслед за Белинским, что критика — это движущаяся эстетика. Но, к сожалению, далеко не всегда отдаем себе отчет в том, к чему эта формула обязывает.

Нам необходимо продолжать активно исследовать эволюцию восприятия выдающихся произведений литературы. Наше восприятие отличается от старых представлений, оно непрерывно обогащается и совершенствуется. Вот почему важно изучение эволюции восприятия.

И еще мне хочется сказать вот о чем. Искусство социалистического реализма имеет уже свою значительную историю. Необходимо рассматривать его в динамике, имея в виду, что метод наш непрерывно развивается.

Изучение метода социалистического реализма в его живом историческом развитии помогло бы, вероятно, нам осмыслить многие сложные явления советской литературы. Великий поэт Сергей Есенин не вписывался в иные схематические представления о социалистическом реализме. Недоосмысленных явлений осталось еще немало. Это и Анна Ахматова, это и Андрей Платонов, и Михаил Булгаков. Это и Пришвин, с которым происходят удивительные превращения: его то включают в круг художников социалистического реализма, то отлучают от этого круга.

И последнее. Сегодня у великого исторического рубежа нашего общественного строя и нашей литературы мы можем сказать, что литература — самое художественное творчество — идет впереди критики. И это не должно нас смущать. Литература была всегда впереди критики. Но дистанция между живым опытом литературы и критикой не должна быть слишком большой.